

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Умру вместе с тобой / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-114192-9

Расследование нового запутанного и сложного дела приводит криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Екатерину Петровскую и ее друга Сергея Мещерского в музей Востока. Именно там работала Афия Бадьянова-Асанте, обнаруженная убитой на берегу озера. А за день до этого с моста прямо под колеса поезда прыгнула Алла Полозова. Правда, машинист утверждает, что никакого самоубийства не было, а женщину на пути толкнула неведомая сила. Эти два таких непохожих, казалось бы, дела сплетаются в одно, жертвы в котором растут с геометрической прогрессией. Все ниточки ведут в музей Востока, где проходит выставка африканского искусства. А главный экспонат — Черная голова из эбенового дерева с настоящими человеческими зубами — словно требует все новых и новых смертей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114192-9

© Степанова Т. Ю., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

...Кусок сумрачного сериала,
снятого в соответствии с канона-
ми новой искренности, ручной ка-
мерой, подрагивающей от правды
жизни

Виктор Пелевин Бэтман Аполло

Глава 1

«...ДАЖЕ СВЕТЛЫЕ ПОДВИГИ, ЭТО ТОЛЬКО...»

*Одинцово. Николина Гора
Пятнадцать лет назад*

Военный вертолет завис над лесом — и в мгновение ока переместился влево, приближаясь к низким корпусам школы искусств. В прошлом это была общеобразовательная школа, она пережила внушительный ремонт, внутреннюю перепланировку, отделку, но так и осталась в памяти Одинцова «школой с большой историей», которую сломать нельзя, несмотря на старые приземистые корпуса мрачного казарменного дизайна, ныне обшитые новомодными яркими панелями. Словно кубики на фоне соснового леса и других близлежащих строений — знаменитого пансионата Николиной Горы «Сосны», где в разные времена лечились от недугов сильные мира, принимая уникальные «жемчужные ванны», про которые еще со времен Политбюро ходили сплетни в народе, и проходили различные программы омоложения и восстановления половых функций в почти мистическом тайном отделе геронтологии.

Школа Одинцова, где учились дети и внуки тех, кто раньше месяцами и годами проживал на государственных дачах, а ныне обретался в поместьях и дворцах, преобразовалась в воскресную школу искусств, в которой новые дети — внуки и правнуки тех, прежних — зани-

мались дизайном, йогой, балетом, корпели на уроках китайской каллиграфии, танцевали в большом зале — звуки вальса, звуки танго...

Выстрел!

Автоматная очередь!

С крыши школы искусств по военному вертолету, где сидели снайперы, палили из автомата. Стрелявшего не было видно: он прятался за огромными «тарелками» спутниковой связи, усеявшими крышу школы, словно грибы. Но вот он показался на миг — темная фигура, одетая в мешковатую куртку явно на несколько размеров больше. Лицо закрывала черная балаклава.

— Ближе! — сквозь гул винта кричал спецназовец пилоту, сжимая в руках оптическую винтовку и стараясь в краткие доли секунды поймать в прицел фигуру в черном.

Автоматная очередь!

Человек на крыше проорал что-то хрипло, торжествующе и поднял автомат вверх, поливая приближающийся вертолет очередями.

— Он нас достанет!

Снайпер на своих «качелях» болтался у борта вертолета. Он сделал глубокий вдох и...

Все произошло одновременно — выстрел снайперской винтовки и...

Человек в черном рванул на себе мешковатую куртку, открывая всего себя снайперской пуле, — словно почувствовал, что будет убит. Под курткой — жилет «смертника» с гранатами, аккуратно уложенными в «гнезда». Пилот ничего не мог сделать — никакого маневра не оставалось для вертолета, который был уже обречен. Снайперская пуля угодила смертнику прямо в сердце — меткий выстрел, но он же стал и роковым для всех них. Потому что в кармашке пояса «смертника» пряталась граната — прямо там, у сердца. И она взорвалась. И за ней сдетонировал весь пояс.

Взрыв был такой силы, что в пансионате «Сосны» задрожали стекла.

Куски арматуры, белые тарелки спутниковой связи, острые куски металла — все, все разом взметнулось в воздух, и взрывная волна принесла этот вихрь к ним. Вертолет швырнуло вверх, потом вниз. Вылетело лобовое стекло. Снайперу куском железа снесло полголовы, пилота ослепило — взорвался бензобак.

И вертолет завалился на бок, стремительно падая куда-то туда — за корпуса пансионата управделами, за сосновый бор, за вековые деревья, за теннисные корты, земляничные поляны, что в мае месяце еще не плодоносили — за леса, за горы, за тридевятое царство.

Упал.

Взорвался.

Те, кто стоял в оцеплении на удалении от школы искусств: спецназ, военные, — все эти такие бессильные сейчас антитеррористические силы видели вертолет. Его конец. Огненный шар над лесом.

И — столб дыма.

Видели все это и с террасы солярия пансионата «Сосны», где какой-то сильный мира — чин в распахнутом махровом халате (прямо с процедур), в семейных трусах, востроенный, красный, потрясенный зрелищем авиакатастрофы, что-то орал в телефонную трубку почти ископаемого — еще с восьмидесятых — «старого доброго» телефона спецсвязи (еще с крутящимся диском, каких не встретишь больше, наверное, уже нигде в Москве и в стране — может, лишь на какой-то почте под Воркутой или же здесь, в кремлевских «Соснах», где панически боялись гаджетов и не доверяли мобильным телефонам (подслушают, расшифруют! Взломают хаке-ры!). А стоявший перед чином навытяжку офицер спецсвязи с катушкой телефонного провода, словно робот, крутил ручку катушки-лебедки, все удлиняя и удлиняя

телефонный шнур, потому что чин то и дело выбегал на соседнюю террасу, стараясь рассмотреть сам лично, что там творится за лесом, где упал вертолет, что происходит у школы искусств, где в заложниках у террористов оказались дети.

Их — тех, кто взял в заложники школу, выслеживали несколько дней после устроенных ими взрывов на рейсовых автобусах в Москве и Подмоскowie. Рано утром подозрительную машину остановил патруль ДПС на шоссе. И террористы его хладнокровно расстреляли в упор. А потом, преследуемые погоней, они очутились в Одинцове. Никто даже не думал, что они проникнут на территорию Николиной Горы, но это же дачный поселок, пусть и элитный, а не военная крепость.

Их было трое вначале.

— Сколько их сейчас? — орал в рацию генерал в форме без опознавательных знаков, командующий антитеррористической операцией. — Сколько их осталось?

Он стоял за бэтэром — оцепление протянули на удалении от здания школы. Десятки машин, фургоны спецназа, ГИБДД, полиция. Пригнали всех. Но удача пока никому не улыбнулась. И кто-то уже погиб там, в школе, при попытке вывести детей из здания.

— Двое или один! — отвечала рация. — Тот, кто на крыше, — мертв. Но внутри... Возможно, один погиб при первом штурме. Значит, еще один.

— Один? Точно?

— Или двое.

— Там мой муж! Сделайте же что-нибудь! Там мой муж!

Это истерически кричала молодая женщина в дорогом спортивном костюме, глубоко беременная, на восьмом месяце. Она вырвалась из рук спецназовца, который хотел передать ее врачам «Скорой», но не сумел. Потому что просто не мог с ней справиться: силы

беременной утроились. Она била его по плечам, старалась вырваться:

— Там мой муж! Пустите меня!

— Уберите ее! Увезите отсюда! Нам только преждевременных родов тут не хватало! — цедил генерал в форме без опознавательных знаков в рацию. — Да кто она такая, господи?

— Она там занималась... там курсы для будущих матерей, в том флигеле... «Мать и дитя». Йога, что ли... Она там что-то забыла — вроде сумку, а муж за ней приехал и пошел туда за этим. А тут стрельба. Он там остался внутри вместе с преподавателями и детьми.

— Там женщины и дети. Племянница губернатора... она там тоже... балетный класс... Ей десять. И остальным примерно столько же. Там педагоги, преподавательница балетного класса... ее ребенок малолетний, она его взяла с собой, оставить было не с кем, как мы выяснили. Но кто там погиб во время штурма, при первой попытке, мы не знаем. Такой взрыв был... Но наши все там... никто не вышел... и педагоги, учителя...

— Этот... муж... узнали о нем — он не военный?

— Он местный муниципальный депутат. Из Одиноцова. Его фамилия, кажется, Романов.

Генерал опустил рацию.

Кричащую женщину затолкали в «Скорую», которая развернулась и помчалась прочь от этого страшного места. Но остались еще «Скорые», другие машины. А там, вдали, в оцеплении — родственники, родители тех, кто был в школе.

Крики и плачь.

Рыдания...

Вой...

Они все ощущали запах гари от взорвавшегося вертолета. На место его падения уже поехали пожарные расчеты, но пламя и дым...

Пламя и дым...

Их ощущали и внутри захваченной школы.

Кто-то в ее стенах пел, хрипло орал молитву. Кто-то ликовал, призывая победу к своим и кары на головы всех врагов, пусть лишь сунутся сюда, в это место смерти.

Осколки стекла в школьном вестибюле на полу. Выбитое при штурме окно. Пятна крови. Лужи крови.

Человеческие останки, разбросанные взрывами гранат от стены к стене...

Первый штурм окончился крахом для штурмовавших. Они все остались здесь. Их было уже трудно опознать. Но двенадцать детей успели в этой кровавой каше выбежать из того флигеля, что на первом этаже. А те, кто остался на втором, уже не имели надежды.

Балетный класс. Майское солнце. Огромные зеркала в пол. Балетный станок.

Девочки, маленькие балерины в грязных юбочках, скорчившиеся в углу.

Избитая в кровь учительница балетных танцев — на полу. Она оттолкнула от себя человека в черной мешковатой куртке, когда он схватил ее за волосы, пытаясь поставить на колени. А тот ударил ее прикладом автомата в лицо, выбив зубы.

Пятилетний сын учительницы балета (тот малыш, которого в этот роковой воскресный день не с кем было оставить) сидел на полу. Каждый раз, когда он пытался подползти к матери, человек в черном отбрасывал его пинком ноги назад, словно надоедливую щенка.

Человек в черном сейчас был занят: он чутко прислушивался к внешним звукам, но не подходил к окнам. Он словно исполнял какой-то чудовищный ритуальный танец на теле мужчины, распростертого на полу.

Он топтал его ногами.

Он убивал его.

Удары кованого ботинка сыпались градом — в пах, в грудь, в живот, в голову.

Избиваемый Романов тридцать пять лет отроду не был ни атлетом, ни спецназовцем — он был гражданским. И он ничего толком не знал о контртеррористических операциях. И о методах борьбы...

Он просто пытался после каждого сокрушительного удара встать на ноги.

Он пытался подняться.

Он не желал умирать, словно червяк, раздавленный в пыли.

Удар в живот...

Вот он встал на колени, упершись в пол руками.

Удар в бок...

Избитая учительница балета закричала пронзительно:
— Не бейте его!

Удар...

Еще удар...

— Не бей его!

— Бери щенка в охапку, иди с ним к окну! — хрипло приказал человек в черном. — Гони свое стадо, женщина, к окнам! Эй, все вы, вставайте! Живо! Я кому сказал!

— Девочки, сидите, не вставайте! — закричала учительница своим подопечным балеринам. — Не подходите к окнам!

— Ты смерти ищешь, сука? Я тебя спрашиваю? Ты смерти ищешь?! Ну-ка встать! Все к окнам!

— Оставайтесь на месте! — из последних сил прохрипел Романов. — Они не станут тебе живым щитом!

— Встать! — заорал человек в черном, оборачиваясь к детям в углу балетного класса и их учительнице. — Встать всем! Все на подоконник!

Но они не покинули своего убежища, потому что их учительница с выбитыми прикладом зубами отчаянно замахала руками — нет, нет!

И тогда человек в черном вскинул автомат и прошел ее очередь.

Ее пятилетний сын быстро вскочил на ноги, ринулся к ней.

Романов в этот миг не ощущал ничего: ни боли, ни близости смерти. Избитое тело вдруг стало послушным, гибким, гуттаперчевым. И в сильном броске он швырнул себя на человека в черном.

Сшиб его с ног, выбивая из рук автомат.

Как это удалось?

Но автомат отлетел к стене.

А человек в черном шмякнулся навзничь, но тут же упруго, как барс, вскочил сначала на корточки, потом встал, выпрямился, рванул на себе куртку, под которой был надет на футболку такой же пояс — жилет смертника, где ждала своего часа не взрывчатка, нет, но боевые гранаты.

Он выхватил одну, сорвал чеку и швырнул в сторону Романова.

Граната упала на пол и...

Раз, два, три...

Взрыва нет...

Раз, три, пять...

Взрыва нет...

Романов подхватил гранату без чеки. Человек в черном впился в него взглядом, оценивая.

Три, пять семь...

Возвращаю подарок!

В следующую секунду Романов подмял под себя пятилетнего ребенка, закрывая его своим телом, прижимая к полу...

Успел еще крикнуть девочкам-балеринам в углу:

— Бегите! Скорей!!!

Топот маленьких ног. Террорист не успел среагировать на убегающих детей: граната без чеки поразила

его как камень из пращи, ударилась о другую гранату в кармане-гнезде пояса смертника.

Доли секунды...

Удивление на бородатом лице... Ужас в глазах и...

Топот маленьких ног уже по коридору. Прочь! Балетный класс опустел.

А пояс смертника взорвался!

Вопль!

Алый фонтан!

Пороховой дым...

Осколки гранаты впились в тело Романова. Такая боль...

Последним усилием он притиснул кричащего мальчика к полу балетного класса, свято веря, что умирает не зря. Что, если уже и не суждено ему быть в этой жизни отцом своего ребенка, тогда он послужит щитом, оградой, броней ребенку чужому.

В этот миг он не боялся смерти.

Абсолютно.

И может, поэтому Смерть не взяла его.

Это было в мае в Одинцове. На Николиной Горе.

Потом наступило лето. Самое обычное. Для некоторых. А для других — с госпиталями, реанимацией, операциями, операциями — на ногах, на позвоночнике... И снова с госпиталями, реабилитационными центрами. Волнениями, волнениями, волнениями, тщетными надеждами на грядущее счастье.

И вот пришел дождливый октябрь. И они снова встретились.

Мужчина по фамилии Романов.

И пятилетний мальчик Феликс.

Романов приехал в детский центр при отделе семьи и детей Одинцовского управления соцзащиты. Он все еще с трудом передвигался на костылях. Перебитые осколками ноги слушались плохо. Но он ходил.